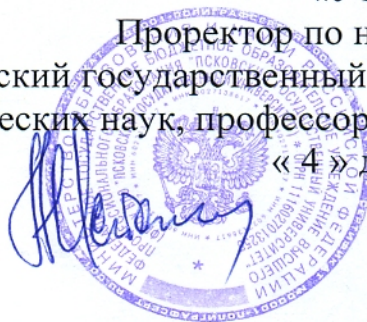

«УТВЕРЖДАЮ»:
Проректор по научной работе
ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»,
доктор биологических наук, профессор А.В. Истомин
« 4 » декабря 2015 г.

ОТЗЫВ
ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»
о диссертации Устинова Алексея Валерьевича
«Роман Д.Л. Мордовцева “Великий раскол” в контексте
русского исторического романа XIX века»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10. 01. 01 – русская литература;

Тема диссертационного исследования А.В. Устинова обнаруживает *актуальность* по ряду значимых показателей. Прежде всего, ею иницируется обращение к не теряющей научной значимости проблеме художественного историзма, освещение которой предполагает анализ историко-художественных, индивидуально-творческих и философских факторов в их совокупности. Наряду с этим, актуальность работы обуславливается привлечением творчества недостаточно изученного беллетриста второй половины XIX в. Д.Л. Мордовцева с выдвиганием в центр работы его романа «Великий раскол», «наиболее ярко» выявившего «творческие и идейные установки» писателя (с. 13).

Комплекс *методов*, применяемый автором диссертации для реализации поставленной им цели (с. 15), представляется эффективным, так как определение специфики художественного историзма Мордовцева, как справедливо полагает А.В. Устинов, становится мотивированным лишь при условии включения наследия писателя в литературный процесс, взятый в проекции на развитие «исторических» жанровых форм в их многообразии. Этим объясняется установка автора работы на привлечение самого широкого спектра жанров, необязательно соотносимых собственно с

историческим романом (например, поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины»): формирование автора-беллетриста изначально предполагает взаимодействие с широким идейно-тематическим фоном, свободным от жанровых и иных регламентаций, влияющим на мир писателя не только с позиций художественного творчества. На это указывают и разнообразные формы выражения исторической темы в самого Мордовцева. Логичным и оправданным является привлечение диссертантом, наряду с историческими романами Мордовцева, его эпистолярно-публицистического наследия, а также обширного блока архивных материалов (библиография этого раздела насчитывает 39 наименований).

Научная новизна работы состоит не только в углублении, а иногда – корректировке бытующих «стереотипов» относительно главного предмета изображения – явления старообрядчества, но и в стремлении диссертанта осмыслить *типологию* формирования художественного историзма в рамках литературного процесса XIX века, определив в ней место и значение Мордовцева и его романа «Великий раскол».

Структура диссертации нацеливает на последовательное комплексное рассмотрение поставленных *задач*, анализируя вопрос о творческом своеобразии и исторической позиции Мордовцева в соотношении с закономерностями литературно-публицистического контекста XIX века. Работа состоит из введения, трех глав и заключения, библиография включает в себя 360 наименований.

Из особенностей поэтики изучаемого произведения вытекает глубоко обоснованное намерение диссертанта выделить антропологический аспект проблемы, рассмотрев «своеобразие принципов типизации человеческой личности как в русском историческом романе вообще, так и в ряде исторических произведений Д.Л. Мордовцева» (с. 14–15).

Введением представлен содержательный обзор литературы по вопросу; автор работы справедливо отмечает недостаточность специальных исследований о жанре исторического романа, что, в особенности, относится

к работам обобщающего характера. В библиографический список, как представляется, не бесполезным было бы включить монографию А.В. Чернова: «Русская беллетристика 20–40-х годов XIX века (Вопросы генезиса, эстетики и поэтики)» (Череповец, 1997), где немалое место уделяется историческому роману, а один из разделов озаглавлен «Исторический и романский хронотоп в беллетристическом тексте» (с. 213–244).

Достоверность полученных *результатов* подтверждают охват литературного материала (более 50 произведений) (с. 18), а также сделанный автором акцент на наименее исследованных и одновременно наиболее близких духу «Великого раскола» исторических романах (М.Н. Загоскин, И.И. Лажечников, Р.М. Зотов, Е.А. Салиас и др.).

В главе I «Русский исторический роман XIX века», состоящей из трех параграфов, с методологической, теоретической и историко-литературной точек зрения прослеживаются основные закономерности бытования данного жанра от первых десятилетий до конца XIX века. Параграф первый, освещающий процесс становления и развития жанра в его этапных составляющих, содержит аналитический обзор исторической романистики и историографии, в русле которых формировалась стилистика романов Мордовцева. Диссертант квалифицированно решает сложную задачу отбора литературных и историографических фактов, отмечая тенденции, определяющие единую направленность разных жанровых форм: присутствие «схожей взаимосвязи истории и современности» (с. 23), формирование «понимания истории в качестве <...> последовательной цепи взаимосвязанных событий» (с. С. 26), установка на «художественное исследование истории» («История Государства Российского» Н.М. Карамзина», с. 27), на воплощение «идеи “положительности” истории» («История Русского народа» Н.А. Полевого, с. 38) и др. Убедителен вывод А.В. Устинова: «Самим развитием русской литературы первой четверти XIX века было предопределено формирование жанра исторического романа» (с. 39).

В параграфе втором автор вводит и мотивирует дефиницию «обычного человека» в исторической романистике 1830–1840-х годов. В поле зрения А.В. Устинова – исторические романы М.Н. Загоскина, Ф.В. Булгарина, К. Масальского, И. Лажечникова, где правомерно отмечается функционирование вальтер-скоттовской и пушкинской традиций художественного историзма. Соответственно, центральные герои произведений такого рода изображаются с «простой» и «обычной» стороны, а целью авторов является «художественное оформление повседневности» (с. 52). Особо отмечена «полусказочная и полуисторическая мозаика» прозы А.Ф. Вельтмана.

В параграфе третьем выстраиваемая типология исторического романа дополняется понятием «исторический человек» применительно к последующей эпохе – 1860–1880-х годов. Диссертант рассматривает «новое отношение к изображению человека прошлого» (с. 56) как закономерное следствие развития историографии и социальных тенденций (влияние трудов С.М. Соловьева, Г.Н. Устрялова, Г.В. Есипова, М.И. Семевского, М.П. Погодина, И.Е. Забелина, издание биографий «исторического человека», в частности, «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» и Жития боярыни Морозовой», полемика между славянофилами и западниками, распространение идей антропологизма и т.д.). Преимущественный «интерес к человеку» «в исторических обстоятельствах» (с. 67) отмечен в романах А.К. Толстого, Г.П. Данилевского, Е. Тур, В.С. Соловьева, Е.А. Салиаса, Д.Л. Мордовцева и др.

Особо выделены диссертантом темы «раскола», Отечественной войны 1812 года, «дворцовая» тема.

Таким образом, на большом разножанровом материале в диссертации прослежен процесс эволюции принципов изображения человека в историческом романе XIX века.

II и III главы, посвященные исторической романистике Д. Мордовцева и роману «Великий раскол», показывают, как данная концепция реализуется

в творчестве одного из наиболее популярных «историков-беллетристов» второй половины века. Переходя от «общих положений» к избранному для фундаментального изучения автору, А.В. Устинов касается в главе II «Роман “Великий раскол”: история и современность» своеобразия «художественного мира» писателя, производя обзор его литературной деятельности с учетом имеющим бесспорную ценность архивных материалов. Одновременно диссертантом отмечен ряд черт, характеризующих «творческую лабораторию» писателя: «именование, разнообразие персонажей, игровая стилизация, внимание к художественной детали, перспективная историчность, зооморфная образность, масштабность использования образов мировой культуры» (с. 103). Следует отметить свежесть и филологическую зоркость, проявившуюся в наблюдениях В.А. Устинова: несмотря на то, что некоторые аспекты представленной им классификации («зооморфная образность») были отмечены прежде, текстовые примеры в работе отличаются новизной и оригинальностью, связанной с использованием, наряду с художественными текстами, материалов писем, мемуаров и т.д.

Здесь же развивается одна из магистральных идей диссертации, вытекающая из позиции Мордовцева, – «взгляд на “раскол” как на исторически развивающийся внутренний конфликт русского общества <...>» (с. 119). Впервые обращено внимание на звучание «украинской темы» в романе; обогащена новыми сведениями история его создания. Автор работы подробно останавливается на проблеме «старообрядцы и власть», осмысливая трагедию русского старообрядчества и особенности ее освещения Д.Л. Мордовцевым в романе «Великий раскол».

В главе III «Художественность романа “Великий раскол”» расширяется круг поэтологических категорий, которые привлекает диссертант для монографического анализа данного произведения: рассматриваются проблемы жанровой специфики романа и иных модификаций исторического жанра, идейно-символических рядов, приемов письма, включающих «сопоставительный параллелизм», «различные тропы»,

элементы поэтики драматургии, продуцирующие гибридные формы (с. 153), обращения к «эстетике натурализма» (с. 157). Наиболее значимую сторону исследования в данной главе составляют творческие параллели: содержательность и поэтика романа постоянно соотносятся с документальными и художественными аналогами, что в наибольшей мере проявляется в параграфах, посвященных «историческому человеку»: «Образ протопопа Аввакума и патриарха Никона» и «Образ боярыни Морозовой и царевны Софьи» (второй и третий параграфы).

Сопоставительный анализ главных героев, ведущий к их противопоставлению, доказывает организующую исследование мысль о «двух основных направлениях развития условного действия – восходящие линии Аввакума и Морозовой и нисходящие – Никона и царевны Софьи» (с. 152). В конечном счете, по справедливому заключению А.В. Устинова, «парность» героев (как представляется, более очевидная в «паре» патриарх Никон – протопоп Аввакум, равномасштабно изображенных в романе в отличие от «пары» боярыня Морозова – царевна Софья), в трактовке Мордовцева получает социально-этический смысл: «<...> автору удалось изобразить противостояние общественных сил, по выражению самого писателя, ратующих за свободное или насильственное развитие» (с. 175).

Исследование А.В. Устинова отличается выверенностью научной концепции и аргументированностью, связанной с привлечением обширного документального, литературно-публицистического и научно-критического материала. Автору работы удалось достичь полноты и многоаспектности в освещении главной темы исследования, углубить представление о месте писателя-беллетриста в литературном процессе и в контексте исторической романистики, при этом точно и обстоятельно, исходя из задач, поставленных в диссертационном исследовании, охарактеризовав данный контекст.

Методологическая сложность и научная актуальность проблем, затронутых в диссертации, побуждают к уточнению вопросов, связанных с категорией художественного историзма. Так, неясно, почему, правомерно

отмечая вклад Пушкина в формирование эстетики исторических жанров, автор работы привлекает «Полтаву», «Бориса Годунова», «Капитанскую дочку», «Евгения Онегина», но не касается «Арапа Петра Великого», также стоящего у истоков исторической романистики (с. 30, 41–42 и др.)?

На с. 10 «Капитанская дочка» А.С. Пушкина и «Война и мир» Л.Н. Толстого отнесены к «образцам русского исторического романа». Автор работы, однако, признает, что такая аттестация романа Толстого является не бесспорной (с. 74–75); главное же, на относительность соответствия своего сочинения общепринятой версии жанра исторического романа неоднократно указывал сам Толстой («Несколько слов о романе “Война и мир”» др.). «Нетипичным историческим романом» называет «Капитанскую дочку» новейший исследователь (Полтавец Е.Ю. Роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: В помощь старшеклассникам, студентам, преподавателям. М.; Самара, 2006. С. 23). Представляется, что данный вопрос отличается сложностью, требующий его дальнейшего углубления и дополнительного изучения.

Высказанные вопросы и замечания не касаются сути диссертационной концепции и не умаляют значения проделанной А.В. Устиновым работы: по своей актуальности и новизне, научной добросовестности и оригинальности его диссертация заслуживает высокой оценки. Основательная разработка избранной темы, логика в расположении материала и аргументированность выводов свидетельствуют о научной состоятельности автора работы и высоком уровне его филологической культуры.

Практическая значимость реферируемой диссертации очевидна. Ее результаты могут быть использованы в лекциях по базовым литературным курсам и курсам по выбору, учтены при составлении учебников и учебных пособий, применены при разработке тематики курсовых и квалификационных работ.

Содержание исследования достаточно полно отражено в публикациях и автореферате соискателя.

Все вышеизложенное позволяет заключить: диссертация А.В. Устинова «Роман Д.Л. Мордовцева “Великий раскол” в контексте русского исторического романа XIX века» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям (пп. 9, 10, 11, 13 и 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09. 2013 г.), и ее автор, Устинов Алексей Валерьевич, заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10. 01. 01 – русская литература.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором Вершиной Натальей Леонидовной.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры литературы Псковского государственного университета, протокол № 4 от 30 ноября 2015 года.

Доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой литературы
Псковского государственного университета
1800000, г. Псков, ул. Некрасова, 24
тел. (8112) 72-09-03
kaflit@pskgu.ru

Верш

Н.Л. Вершина

Подпись *Н.Л. Вершининой*

УДОСТОВЕРЕН
Начальник отдела

«04»

декабря

2015

(Т.Г. Роговская)